

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-124-133

«ГОРОД БЕЗ ИМЕНИ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО: «ФАНТАСТИКА МЫСЛЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА» И НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА

Перевалова Е. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.05.2025

Принята к публикации 03.06.2025

Аннотация

Цель. Определить повествовательные приёмы новеллы В. Ф. Одоевского «Город без имени», позволяющие провести идейный эксперимент в художественном пространстве.

Процедура и методы. Определён круг философских и научных идей, отражённых в новелле, её повествовательные особенности рассмотрены в связи с эстетическим и идейным целым романа «Русские ночи». Использованы культурно-исторический и системно-структурный методы.

Результаты. Установлено, что главным орудием идейного эксперимента становится сложная композиция, каждый из уровней которой проблематизирует и переинтерпретирует предыдущий. Это позволяет писателю расширить критику концепции И. Бентама до обсуждения проблем эмпирического познания, а также кризисных явлений науки и общества.

Теоретическая и/или практическая значимость состоит в комплексном рассмотрении повествовательных приёмов, организующих «художественно-публицистическое» повествование В. Ф. Одоевского как особую целостность.

Ключевые слова: «Город без имени», идейный эксперимент, нарратив, реальность, теория, фантастика

Для цитирования:

Перевалова Е. М. «Город без имени» В. Ф. Одоевского: «фантастика мысленного эксперимента» и нарративная структура текста // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 124–133. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-124-133>.

Original research article

“THE NAMELESS CITY” BY V. F. ODOEVSKY: “THE FICTION OF A MENTAL EXPERIMENT” AND THE NARRATIVE STRUCTURE OF THE TEXT

E. Perevalova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

Received by editorial office 21.05.2025

Accepted for publication 03.06.2025

Abstract

Aim. To identify the narrative techniques applied in V. F. Odoevsky's novella “The Nameless City” which make it possible to conduct an experiment with ideas in the artistic space.

Methodology. The range of philosophical and scientific ideas reflected in the novel is established, its narrative features are considered in connection with the aesthetic and ideological whole of the novel "Russian Nights." Cultural-historical and system-structural methods were used.

Results. It was revealed that the main tool of the ideological experiment is a complex composition, each of the levels of which problematizes and reinterprets the previous one. This allows the writer to expand his criticism of Bentham's concept to a discussion of empirical cognition problems, as well as crisis phenomena of science and society.

Research implications consist in the complex consideration of narrative techniques that organize the "artistic and journalistic" narration of V. F. Odoevsky as a special integrity.

Keywords: "The Nameless City", experiment with ideas, narrative, reality, theory, fiction

For citation:

Perevalova, E. M. (2026). "The Nameless City" by V. F. Odoevsky: "The Fiction of a Mental Experiment" and the Narrative Structure of the Text. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 124–133. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-124-133>.

Введение

Статья развивает взгляд на художественную прозу В. Ф. Одоевского как на поле идейного эксперимента, способ полемики с влиятельными экономическими, историческими и философскими концепциями. Основания такого взгляда заложены в работах П. Н. Сакулина, выделявшего в прозе романтика особый вид фантастического – «фантастику мысленного эксперимента», которая доводит до предела «логические умозаключения из существующего» [1, с. 293]. Значимо и замечание М. А. Турьян о свойственной В. Ф. Одоевскому оригинальной манере «художественно-публицистического повествования» с использованием «социального или философского гротеска». Этот тип повествования характерен прежде всего для новелл «Новый Жоко», «Последнее самоубийство», «Город без имени»¹ [2, с. 21]. Современный исследователь Г. В. Заломкина подчёркивает, что в своих фантастических произведениях Одоевский «делает ход в сторону долгосрочного социального и научно-технического прогнозирования» [3, с. 43]. Таким

образом, постановка проблемы становится традиционной, однако подробной её разработки, насколько нам известно, не существует. Кроме того, уделять внимание только мотивно-образной и идейной составляющим отдельных новелл представляется не совсем правильным.

Как показывает Ю. В. Манн, важная часть «драмы идей» разыгрывается на уровне архитектоники «Русских ночей» в целом [4, с. 168]. По мнению исследователя, В. Ф. Одоевский переносит ключевые вопросы эпохи в художественное пространство романа, чтобы уйти от привычных путей однозначного их разрешения. О форме романа действительно не раз говорили как об экспериментальной: отдельные новеллы функционируют на правах реплик, а множественные голоса героев и нарраторов объединяются для достижения «соборной правды». Ю. Н. Сытина связывает эти особенности с критикой Одоевским рационализма и систематизма, а также с особым отношением автора к языку и коммуникации [5, с. 112–113].

Автор настоящей работы полагает, что цель художественно-публицистических произведений Одоевского состоит в «проверке» критикуемой концепции на её соответствие нравственным и интеллектуальным критериям, а через это и подлинным законам реальности. В связи с этим планируется рассмотреть круг

¹ Разумеется, идейная полемика встречается также в произведениях иной формальной организации, но занимает там не главное место. Например, в рассказе «Чёрная перчатка» переосмысляются идеи Бентама; в повести «Саламандра» видим критическое отношение к преобразованиям Петра I и т. д.

идей, отразившихся в новелле «Город без имени», а также показать, каким образом повествовательные особенности новеллы позволяют исследовать соотношение теории (иллюзии) и реальности и каковы эстетические и идейные функции этого приёма в связи с художественным целым романа «Русские ночи». Новелла «Город без имени» избрана нами для анализа, так как в ней для идейного эксперимента задействовано наибольшее количество конструктивных особенностей. Главным инструментом, позволяющим исследовать соотношение реальности и теории, становится многоуровневая композиция: обрамляющие истории ставят под сомнение реальный или фантастический статус подчинённых, переинтерпретируют их, но не отрицают.

В связи с этим при разработке темы мы будем опираться прежде всего на исследование композиции и нарративных особенностей «Русских ночей». Ключевым станет утверждение Е. А. Шраги о том, что задачей циклической формы является рефлексия над соотношением художественного слова с «реальностью», при этом роль «реальности» играет рама, в которой происходит рассказывание историй [6, с. 5]. Отметим, что В. Ф. Одоевский использует двойное обрамление вставной новеллы, отчасти перенося акцент с истории на осмысление её отношения к действительной жизни. Размывание границы между фантастическим образом / сюжетом и реальным миром, совершаемое за счёт включения морали, объяснения или предостережения, А. А. Лебедева называет важной чертой русской фантастической повести 1820-х гг. [7, с. 48]. С этой особенностью исследователь связывает «новые варианты разоблачения чудесного», в том числе двойные мотивировки фантастического и появление типов героев с особым взглядом на необъяснимое [7, с. 48]. Мы попытаемся установить роль названных повествовательных особенностей в организации Одоевским «идейного эксперимента».

Цель исследования предопределяет применение культурно-историческо-

го и системно-структурного методов. Наиболее органичным в данном случае представляется нарративный анализ, позволяющий описать произведение как сложный коммуникативный акт и выявить интерпретации подчинённых историй, возникающие на более высоких повествовательных уровнях. Теоретической базой станет прежде всего монография В. Шмида «Нарратология» [8], а также работа В. И. Тюпы [9], посвящённая теории нарративных стратегий и исторической нарратологии.

Идейная составляющая новеллы

Обратимся к рассмотрению социальных и философских концепций, лёгших в основу новеллы. Некоторый свет на авторский замысел проливает следующий фрагмент в «Психологических заметках» Одоевского: *«в Хили... открыли следы города, носящего все признаки образованности... Как потерялась образованность этого народа...? Может быть, на этот вопрос можно отвечать только представив себе, что бы случилось (и что может случиться) с Европой, если бы только одна наука, одно образование разума завладело ею. Спрашивается: неужели во время падения этих народов не являлись люди, одарённые силою духа, могшие остановить их над пропастью...»*¹ Причину гибели древних цивилизаций В. Ф. Одоевский видит в их одностороннем материалистическом характере. В новелле «Город без имени» это рассуждение станет идейной и мотивно-образной базой для критического переосмысления теории утилитариста И. Бентама. П. Н. Сакулин приводит фрагменты из заметок Одоевского, в которых И. Бентам упоминается как один из идеологов того противоестественного, сугубо материалистического направления, которое принимает жизнь англичан. *«Английский философ не знает и не хочет знать того, что он не мог ощущать. Если он позволяет существовать душе, религии, нравственности, поэзии, то не ина-*

¹ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 271.

че как под строгим присмотром рук, зрения, слуха...» [цит. по: 10, с. 579]. Согласно Одоевскому, эмпиризм западных экономистов приводит к стремлению подчинить общество закономерностям природного мира, а интересы «фантома общества» поставить выше интересов отдельной личности: «люди приняты за математические цифры; составлены уравнения, выкладки, все предвидено, все расчислено; забыто одно – ...счастье всех и каждого».¹ По мнению же русского романтика, в обществе должны действовать иные законы, т. к. определяющей для него силой является духовность, и только благодаря ей возможны гармоничные отношения человека с миром [10, с. 265]. С этим связаны размышления Одоевского о миссии возродить в природе духовное начало, а также частое использование мотива мести природы бездуховному обществу (см. новеллы «Насмешка мертвеца», «Город без имени», «Последнее самоубийство»). Как полагают П. Н. Сакулин и Ю. В. Манн, эти представления выработались у Одоевского под влиянием мистической концепции грехопадения природы и человека² [4, с. 178; 10, с. 447]. Впрочем, как показывает в своей статье М. Ким, апокалипсические мотивы могут рассматриваться и в контексте христианской эсхатологической традиции [11, с. 86].

Как видим, Одоевский вписывал вопрос о применимости бентамовой теории в более широкий философский контекст, видя

за этим конфликт интуитивного познания с рациональным, эмпирическим, а также конфликт человеческого, духовного с природным, материальным. Именно из-за неразрешённости этих глубинных противоречий, по мнению Одоевского, Бентам «не мог связать своих мыслей» [10, с. 579].

Новелла «Город без имени» в большей степени соотнесена с гносеологической проблематикой, поэтому проанализируем взгляды В. Ф. Одоевского на интуитивное и рациональное более подробно. Пожалуй, первым обращает на себя внимание критическое отношение писателя к эмпирическому познанию, характерное для разных периодов творчества и встречающееся уже в его апологах времён Любоумудрия: «Вы хотите осязать то руками, сказал старец с улыбкою, что понимается духом; вы хотите определить неопределённое, вычислить – неисчислимое, духовное рассеять, как грубое вещество. Тщетное, смешное усилие!»³ На убеждённость Одоевского в недостаточности рационализма и эмпиризма для достижения истины влияет также увлечение философскими системами Шеллинга, Беме и Сен-Мартена. Последнему принадлежит близкое к процитированному ранее высказывание: «Я был врагом науки, потому что любил людей и видел, как наука на каждом шагу вводит их в заблуждение... Люди науки только и делают, что материю объясняют посредством материи или смешивают, как безразличные субстанции, материю и дух».⁴ Эпиграфом к одной из частей «Опыта теории изящного...» В. Ф. Одоевский избирает отрывок из платоновского диалога «Федон»: «Каким внешним чувством ты можешь постигнуть не только праведное, доброе, прекрасное, но даже величину, здравие, силу, одним словом сущность вещей?»⁵

¹ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 47.

² П. Н. Сакулин ссылается на заметки Одоевского: «Непрестанное восхваление природы, которое так любят англичане, убивает в человеке мысль о падении природы вместе с человеком...» [10, с. 448]. В. М. Жирмунский обсуждает концепцию грехопадения, цитируя Шеллинга и Новалиса: «Через вырождение возникла природа, в ней живы “заглохшие остатки” иного существования. И человек должен воспитывать эти заглохшие остатки. “Мы воспитатели природы, её моральные возбудители”» [12, с. 115].

Отголоски этой концепции встречаем, например, в реплике Фауста: «Да! железные дороги – дело важное и великое. Это одно из орудий, которое дано человеку для победы над природой; <...> в этом чувстве, может быть, воспоминание о его прежней силе и о прежней рабе его – природе...».

³ Одоевский В. Ф. Мир звуков // Московский вестник. 1827. Ч. 4. № 13. С. 44.

⁴ Saint-Martin. Oeuvres posthumes. Vol. 1. Tour, 1807. P. 29. Цит. в переводе П. Н. Сакулина [10, с. 410].

⁵ Одоевский В. Ф. Опыт теории изящного с особым применением оной к музыке // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в.: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1974. С. 168.

Не менее важны поиски соотношения реальности, слова и мышления, ставшие, по мнению В. Ф. Одоевского, одной из важнейших тем «Русских ночей»¹: «два человека могут согласно верить, или, если угодно, чувствовать истину, но никогда согласно думать о ней, и тем менее своё согласие выразить словами»², – говорит Фауст. Критика Одоевским привычных понятий ставила под сомнение возможности эмпирической и рационалистической науки, ведь познание внешнего мира становилось невозможным без познания мира внутреннего, духовного.

Тем не менее полного перехода на позиции интуитивизма или мистицизма у Одоевского не происходит. Писатель действительно убеждён, что нельзя игнорировать духовное измерение жизни, но исследовать его предлагается вполнерационально. Так, при создании аналитической этнографии как новой науки он предлагает «разлагать не только физические, но и нравственные явления».³ В «Письмах к графине Е. П. Р...й о привидениях, суеверных страхах...» (1839) позиция писателя двойственна: с одной стороны, он признаёт реальность таинственных явлений, с другой же – говорит о необходимости и возможности рационально познавать их сущность; «...при этом уничтожается поэзия народных поверий, но разве нет в гордом знании человека своей, более возвышенной поэзии?»⁴ В основе утопии В. Ф. Одоевского «4338-й год» (1835) лежит идея позитивных преобразований общественной жизни, совершённых благодаря научному прогрессу и просвещению. О том, что общественный прогресс следует за научно-техническим, В. Ф. Одоевский

заявлял в предисловии к своей утопии: «...может быть, XIX столетие ещё не кончится, как аэростаты войдут во всеобщее употребление и изменят формы общественной жизни в тысячу раз более, нежели паровые машины и железные дороги».⁵

Позиция Одоевского может представляться противоречивой, однако это объясняется не её неустойчивостью или несформированностью, а воплощённым в ней духом научных и философских исканий. Это подтверждают слова самого писателя о романе «Русские ночи»: «Не называйте же скептиком того, кто ищет лучшего способа найти её (истину. – Е. П.) и испытывает для сей цели разные снаряды, как бы странны они ни казались»⁶. В. Ф. Одоевский стремится, скорее, к синтетическому знанию, опирающемуся не только на эмпирические, но и на интуитивные данные, а потому изучает многие науки, стремится быть метафизиком и проникать в тайны «грубой материи». Отказа от разума и рациональности не происходит, но есть стремление к «новой науке» и «новому искусству», позволяющим «понять свой инстинкт и чувствовать свой разум».⁷ Обозначенная позиция находит отражение и в художественных исканиях автора, проводящего идейный эксперимент с использованием эстетических средств.

Нарративная структура новеллы

Приведём краткое содержание новеллы. Фауст зачитывает рассказ духоиспытателя о встрече с отшельником (Чёрным человеком), который живёт среди скал и только изредка спускается за пищей. Отшельник рассказывает о зарождении и гибели страны Бентамии, представляя себя свидетелем этого. Затем в разговоре с духоиспытателем трактирщик называет отшельника проповедником, который помешался, понав, что его ценности чужды людям.

¹ См. письмо В. Ф. Одоевского А. А. Краевскому с ответом на критику Белинским «Русских ночей»: «...тогда бы заметили, что, например, наблюдения над связью мысли и выражения принадлежат к области, донныне ещё никем не тронутой и в которой, может быть, разгадка всей жизни человека».

² Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 185.

³ Там же. С. 235.

⁴ Одоевский В. Ф. Колдовство XIX столетия [Письмо V-е к графине Р...ой] // Отечественные записки. 1839. Т. 5. № 9. С. 26.

⁵ Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1959. С. 418.

⁶ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 302.

⁷ Там же. С. 238.

Здесь можно выделить три наиболее значимых повествовательных уровня. На третьем, наиболее глубоком, нарратором является Чёрный человек, на втором повествование ведёт духоиспытатель, на первом уровне представлен полилог Фауста и его друзей, обсуждающих прочитанное.

Рассказ Чёрного человека посвящён своеобразному эксперименту, попытке практического воплощения системы Бената. Опыт неудачен: духовные ценности отрицают; жители во всём руководствуются принципом личной пользы, а потому не в силах уступить друг другу. В структуре повествования важно совмещение логичности, доказательности с экспрессивностью и чёткой моральной оценкой происходящего. С одной стороны, Чёрный человек свидетельствует о жизни страны как о процессе, который протекает по законам, заранее заданным теорией Бената. Эта процессуальность создаёт впечатление неизбежности показанных метаморфоз. С другой стороны, в отборе и осмыслении событий¹ проявляется оценка. Событийный статус носят возведение храма и театра (но только ради пропаганды пользы), разорение Бентамией соседних государств, раздробление и вырождение самой Бентамии, появление в ней последнего пророка, месть природного мира. Эти события оцениваются в нескольких измерениях, предполагающих выбор между безнравственным и нравственным, полезным и бесполезным, или, в конечном счёте, материальным и духовным. *«Некоторые из членов совета хотя и соглашались, что народонаселение нашей колонии требовало новой земли, но что, может быть, было бы согласно более с справедливостью занять необитаемый остров, нежели посягать на чужую ответственность. Но эти люди были признаны*

*за вредных мечтателей, за идеологов...»*² Рассказ о Бентамии таким образом строится на оппозиции положительного и отрицательного начал, что характерно для притчевой нарративной стратегии [13, с. 35]. Семантическое ядро такого повествования составляет «моральная ответственность выбора» и ценностное его переживание нарратором и слушателями [13, с. 36]. Отметим, что такая стратегия в целом органична для антиутопии как жанра, организуемого чёткой системой ценностей. Сказанное согласуется с наблюдениями И. В. Кузнецова, показавшего, что Одоевский часто прибегает к притчевым повествовательным моделям, но модифицирует их, призывая читателя самостоятельно восстановить систему ценностей как бы «от противного». В новелле «Город без имени» мы сталкиваемся именно с таким случаем [14, с. 153].

Другой особенностью этого фрагмента является несколько парадоксальное позиционирование нарратора: он представлен как всеведущий и вездесущий, в то же время присутствует установка на воспроизведение личного опыта. Об основании Бентамии он говорит так: *«В это время гора, на которой мы теперь находимся, была окружена со всех сторон морем. Я ещё помню, когда паруса наших кораблей развивались в гавани»*.³ Об упадке Бентамии так: *«...бедная отчизна! я предвидел твоё падение, я стонал на твоих распутиях: ты не услышала моего стоны»*.⁴

Итак, первый уровень повествования демонстрирует, что абстрактная система Бената не выдерживает столкновения с реальностью из-за своей пагубной односторонности. Как сама система, так и общество, её воплощавшее, оцениваются однозначно отрицательно. При этом доказательство и оценка претендуют на авторитетность, т. к., во-первых, апеллируют к логике, а во-вторых, воспроизводят личный опыт всеведущего Чёрного человека.

¹ Тюпа, исходя из данного им определения события, предлагает три свойства, минимально необходимых для характеристики события: 1) гетерогенность, 2) хронологичность, 3) интеллигибельность [9, с. 25–26]. Т. е. событие нарушает обычное течение жизни, меняет её ход, имеет определённую пространственно-временную закреплённость, а также осмысливается в качестве события. Осмысливает в данном случае нарратор, Чёрный человек.

² Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 102.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 98.

В связи с парадоксальным образом отшельника на следующем уровне нарратор-духоиспытатель задаёт два возможных способа восприятия самого Чёрного человека и его слов: сначала фантастический, а затем реалистический. Перед нами случай двойной мотивировки фантастики: обе интерпретации поддерживаются текстом, но нет достаточных оснований, чтобы опровергнуть или подтвердить одну из них. В. Шмидт обсуждает подобные случаи в связи с «пропусками» (gapping) в повествовании: постоянное прерывание (permanent gapping) «применяется в повествовании, в котором остаётся открытым вопрос, обусловлен ли сюжет с магическим развитием специфическим восприятием персонажа или рассказчика, или же в дело вступают сверхъестественные силы» [15, р. 13]. Начало текста содержит образы и мотивы, традиционные для романтической фантастики. Прежде всего, подчёркивается странность облика и поведения Чёрного человека: *«Это привидение, в чёрной епанче, сидело недвижно между грудями камней... Мы удивились, каким образом это существо могло взобраться на вышину почти по голым отвесным стенам»; «...в околodge говорили, что этот чёрный человек сходит редко с утёса, и только за пищу, по целым дням бродит печально между камнями...»*¹ Место событий описано с субъективной позиции пришедших, что позволяет избежать определённости сведений и дать ряд намёков на реальное существование Бентамии в прошлом: *«Утёс был усеян обломками камней, имевшими вид развалин... В некоторых местах обманутое воображение видело подобие перистилей...»*² Восприятие происходящего в русле традиции романтической фантастики позволяет предполагать, что Чёрный человек действительно мог быть свидетелем рождения и гибели этого города-государства. Такая установка способствует доверию к его слову и серьёзному отношению к исповедальной интонации.

¹ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 96.

² Там же. С. 97.

Однако в конце новеллы фантастика получает реалистическое объяснение: трактирщик сообщает, что Чёрный человек – это проповедник, который остался непонятым и сошёл из-за этого с ума. *«...Он (Чёрный человек, проповедник. – Е. П.) с первых слов начал нас бранить, доказывать, что... человек не должен думать беспрестанно об увеличении своего богатства, что мы непременно должны погибнуть... и прочие, тому подобные, предсудительные вещи. Наше самолюбие не могло стерпеть такой обиды национальному характеру – и мы выгнали оратора за двери»*.³

Как ни парадоксально, рациональное объяснение не дискредитирует проповедь-антиутопию, а утверждает её значение, приравнивает мир антиутопии к миру «реальному» в ценностном отношении. Благодаря этому интерпретировать вставную историю можно не только как фантастическое повествование или проповедь-антиутопию, но и как предсказание будущего отчизны Чёрного человека. В таком случае высказывание *«...бедная отчизна! я предвидел твоё падение, я стонал на твоих распутиях: ты не услышала моего стона»* приобретает дополнительное значение. Подобная версия поддерживается тремя способами. Во-первых, в тексте рассеяны намёки на то, что гибель цивилизаций из-за их односторонности – повторяющаяся историческая ситуация. Наиболее яркое указание на это видим уже в эпиграфе из “Vues des Cordilleres” Гумбольда⁴, напоминающем цитированный выше фрагмент из «Психологических заметок». Во-вторых, мотив непонятого проповедника становится зеркальным, как бы подсказывая тип отношений между вставным и обрамляющим текстами. В-третьих, теория, проходившая проверку, не полностью соответствует бентамовой: английский утилитарист призывал руководствоваться пользой не только личной, но и общественной. Действительно, в труде «Принципы законодательства» И. Бентам утверждал: *«Предметом зако-*

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 96.

нодательства должно быть общественное благо: общая польза должна быть основой всякого рассуждения в области законодательства» [16, с. 1]. Имеется и указание на то, что Одоевский знал эту идею Бентама: «...в учении Мальтуса и Бентама интересы “фантома общества” ставятся выше интересов отдельной личности».¹ В связи с этим можно видеть в антиутопии не столько указание на противоречия системы Бентама, сколько реакцию на негативные тенденции актуальной действительности.

На уровне ночных бесед Фауста с друзьями получают развитие заявленные ранее проблемы совершенствования общественного устройства и применимости учений Бентама и Смита. Вновь вступают в полемику утилитаризм, эмпиризм (поддержаны Виктором и Вячеславом) и сложная позиция «русского скептицизма» (намечена Фаустом)². Оценочные точки зрения Фауста, духоиспытателя и проповедника сближаются. Однако собеседники отказываются занимать позицию, необходимую для реципиентов притчевого высказывания, что заставляет Фауста апеллировать к научности и объективности прочитанной «истории», отчасти повторяющей конструктивные принципы теории Бентама: «для моих духоиспытателей фактом было – символическое прозрение в происшествии такой эпохи, которая по естественному ходу вещей должна бы непременно образоваться, если б благое провидение не лишило людей способности вполне приводить в исполнение свои

мысли...»³ Благодаря этому антиутопия как бы легитимизируется.

Однако и на этом уровне имеет место некий смысловой сдвиг. Начинает проблематизироваться отношение к реальности не только теории Бентама (как на третьем уровне повествования) и не только антиутопии (как на втором), но любой рационально сконструированной теории. Новелла помещается в круг проблем «Русских ночей»: методология научного познания, отношение языка к реальности, поиск гармонического единства материального и духовного. В таком контексте новелла «Город без имени» может интерпретироваться как аргумент в пользу отыскания органически присущих реальности законов, а не навязывания ей рациональных схем.

Заключение

Предпринятое исследование позволило определить комплекс научных и философских представлений, отражённых Одоевским в новелле «Город без имени», а также выявить повествовательные приёмы новеллы, позволяющие провести идейный эксперимент в художественном пространстве. Главным орудием такого эксперимента становится многоуровневая композиция, проблематизирующая применимость рассматриваемой теории к реальному миру. В случае новеллы «Город без имени» это позволяет писателю расширить критику концепции И. Бентама до обсуждения проблем эмпирического познания, а также кризисных явлений науки и общества. Теоретическая и практическая значимость исследования определяется потребностью в комплексном рассмотрении повествовательных приёмов, организуемых «художественно-публицистическое» повествование В. Ф. Одоевского как особую целостность.

¹ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 48.

Одоевский был основательно знаком с теорией И. Бентама, и в этой связи трудно согласиться с точкой зрения О. С. Сухих: «Если В. Ф. Одоевский имел в виду именно И. Бентама, то он воспринял его идею достаточно поверхностно, или, возможно, иронизировал, имея в виду моду на идеи этого философа...» [17, с. 6].

² Как показывают Ю. В. Манн и П. Н. Сакулин, каждый говорящий представляет определённую систему взглядов: Ростислав – шеллингианец, Виктор и Вячеслав – утилитаристы и эмпирики, Фауст же вводит ещё не обретшие форму «русский скептицизм» и «символизм» [4, с. 176].

³ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 110.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 2. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. 481 с.
2. Турьян М. А. «Пёстрые сказки» Владимира Одоевского // Одоевский В. Ф. Пёстрые сказки. СПб.: Наука, 1996. С. 131–168.
3. Заломкина Г. В. Готические составляющие генеалогии научной фантастики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2023. № 2. С. 43–59. DOI: 10.5922/pikbfu-2023-2-5.
4. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.
5. Сытина Ю. Н. «Истина не передается!»: выражение, понимание и диалог в романе В. Ф. Одоевского «Русские ночи» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 96–118. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13464.
6. Шпрага Е. А. Прозаическая циклизация и её роль в русском литературном процессе 1820–30-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 23 с.
7. Лебедева А. А. Повествовательные стратегии русской фантастической повести 1820-х гг. // Словесность и история. 2024. № 1. С. 35–53. DOI: 10.31860/2712-7591-2024-1-35-53.
8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
9. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 58 с.
10. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 1. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. 48 с.
11. Ким М. «Эсхатологическая парадигма» в рассказе В. Ф. Одоевского «Насмешка мертвеца» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. С. 75–91. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14084.
12. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Новое время, 1914. 210 с.
13. Тюпа В. И. Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19. С. 29–44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102.
14. Кузнецов И. В. Коммуникативная стратегия притчи в русской малой прозе XVII–XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 246 с.
15. Schmid W. The Nonnarrated. Berlin: Walter de Gruyter, 2023. 161 p.
16. Бентам И. Принципы законодательства. М.: Либроком, 2012. 137 с.
17. Сухих О. С. Элементы антиутопии в рассказах В. Ф. Одоевского и «Легенде о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2006. № 1. С. 82–86.

REFERENCES

1. Sakulin, P. N. (1913). *From the History of Russian Idealism: Prince V. F. Odoevsky. Thinker. Writer. Vol. 1. Pt. 2*. Moscow: M. and S. Sabashnikovs publ. (in Russ.).
2. Turyan, M. A. (1996). "Bright Tales" by Vladimir Odoevsky. In: Odoevsky, V. F. *Bright Tales*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 131–168 (in Russ.).
3. Zalomkina, G. V. (2023). Gothic Components of the Genealogy of Science Fiction. In: *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2, 43–59. DOI: 10.5922/pikbfu-2023-2-5 (in Russ.).
4. Mann, Yu. V. (1998). *Russian Philosophical Esthetics*. Moscow: MALP publ. (in Russ.).
5. Sytina, Yu. N. (2024). "Truth is not Conveyed!" Expression, Understanding, and Dialogues in V. F. Odoevsky's Novel "Russian Nights." In: *The Problems of Historical Poetics*, 22, 1, 96–118. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13464 (in Russ.).
6. Shraga, E. A. (2009). *Prose Cyclization and Its Role in the Russian Literary Process of the 1820s–1830s: [dissertation]*. St. Petersburg (in Russ.).
7. Lebedeva, A. A. (2024). Narrative Strategies of the Russian Fantasy Story of the 1820s. In: *Texts and History*, 1, 35–53. DOI: 10.31860/2712-7591-2024-1-35-53 (in Russ.).
8. Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury publ. (in Russ.).
9. Tyupa, V. I. (2001). *Narratology as an Analysis of Narrative Discourse*. Tver: Tver State University publ. (in Russ.).
10. Sakulin, P. N. (1913). *From the History of Russian Idealism: Prince V. F. Odoevsky. Thinker. Writer. Vol. 1. Pt. 1*. Moscow: M. and S. Sabashnikovs publ. (in Russ.).
11. Kim, M. (2024). "The Eschatological Paradigm" in V. F. Odoevsky's Story "The Dead Man's Mockery." In:

- The Problems of Historical Poetics*, 22 (3), 75–91. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14084 (in Russ.).
12. Zhirmunsky, V. M. (1914). *German Romanticism and Modern Mysticism*. St. Petersburg: Novoye Vremya publ. (in Russ.).
 13. Tyupa, V. I. (2022). Narratology and Ethics. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19, 29–44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102 (in Russ.).
 14. Kuznetsov, I. V. (2001). *Communicative Strategy of Parable in Russian Short Fiction Stories of the 17th–19th Centuries*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
 15. Schmid, W. (2023). *The Nonnarrated*. Berlin: Walter de Gruyter publ.
 16. Bentham, I. (2012). *The Principles of Morals and Legislation*. Moscow: Librokom publ. (in Russ.).
 17. Sukhikh, O. S. (2006). Elements of Dystopia in the Stories of V. F. Odoevsky and “The Legend of the Grand Inquisitor” by F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Philology*, 1, 82–86 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перевалова Е. М. (г. Москва) – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

ORCID: 0000-0003-3809-9889; e-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta M. Perevalova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;

ORCID: 0000-0003-3809-9889; e-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru